

Василий Путённый

Главная доминанта

Рассказы

Василий ПУТЕННЫЙ
Главная доминанта

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Путенный В. В.

Главная доминанта / В. В. Путенный — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

Три книги рассказов представляю читательской аудитории. Это первая книга трилогии-камасутры, где будет драма, трагедия, любовь, измена, секс и, конечно, юмор. Доброго пути, мой читатель! Путешествуй из рассказа в рассказ!

ГЛАВНАЯ ДОМИНАНТА

Сборник рассказов

Василий Путённый

Киев

Контактные данные:

Василий Васильевич Путённый

Email: vasilyputenny@gmail.com

Тел.: 044 512 38 36

050 659 73 35

ЭЛИКСИР ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

В кухне было темно, тихо бормотал холодильник.

Я не хотел уходить – вот так стоял бы у окна и смотрел на тайнопись звезд, разгадать которую никому не дано. Я глядел на небо как на живое существо, понимающее меня и впитывающее все, о чем сейчас думаю... Внезапно вздрогнул... это жена громко стукнула дверью туалета. Мне показалось, что этим она обидела мои мысли, испуганно спрятавшиеся в тайники. Жена вышла... хлопнула дверью спальни, и покой постепенно стал возвращаться. Я сел возле стола, подпер ладонью подбородок – память день за днем окуналась в прошлое...

...Спрятавшись от зноя, по окнам трамвая ползали мурашки – обмарали в темно-серое все стекла. Девушка, возле которой стоял я, сдувала мурашки с рук, нежно сбивала пальцами с лица, потом, улыбаясь, взглянула на меня, вероятно, стесняясь своих движений.

Лицо девушки – в веснушках, нос – слегка мужской, на подбородке – ямочка-симпатюжка, черные волосы водопадно касались плеч.

На улице я с волнением говорил, смущаясь и ее, и прохожих, стараясь не задеть их плечом. Когда вошли во двор, девушка, остановившись возле крыльца двухэтажного флигеля, сказала:

– Здесь я с подружками живу. Второй этаж, во-он окна. Хозяйка у нас строгая. Ольга Робертовна, полька...

Как-то быстро подошли мы к сексу – да, вероятно, почти у всех так бывает: или время торопило, или это молодость, волнуясь, боится упустить свое; кажется, что если он или она вдруг навсегда уйдет от тебя, то никогда уже никого у тебя не будет.

Что-то магнетически притягивающее было в ее взгляде, мимике, и я, прижав ее к стенке кухни, жадно и страстно целовал... Фаина прижималась горячим телом ко мне – мое плечо было мокро от ее слез. Я, узнав, что был у нее не первый, чувствовал, как в душе моей что-то сместилось, словно украли из Фаины главное, сокровеннейшее.

И даже маленькое отвращение с некой подтошнотой появилось, и происходящее с нами моментально потеряло смысл. Я, морщась, словно от зубной боли, только долдонил:

– И к чему все это, зачем, для чего?! Черт-те что!

Свадьбу сыграли в селе. Хатки под соломенной крышей, проселочная дорога в колдобинах, сады, огороды, колодцы с вкусной целебной водицей, а сине-звездное небо шепчет колыбельную или молитву...

Мне казалось, что я родился в этом захолустном селе, здесь пас коров, ходил с хлопцами в ночное, на вечернынях, где-то в сторонке, слушал рассказы и песни... Я видел, как кололи кабана, который в агонии хрюкнул, и его стали разделявать, видел, как свежевальщик обухом топора гахнул в межрожье годовалого бычка, и тот, свалившись, парализованными глазами

глядел в поднебесье. Когда живодер протянул кружку с теплой, нацеженной из разрезанной глотки бычка кровью, меня едва не стошнило, но я выпил, не дыша носом и вспомнив вкус томатного сока, чтоб не так противно было, а парубки, наблюдавшие за мной, что-то говорили и смеялись нарочито громко.

– Ты не дрейфь, – сказал живодер, – всегда лакай такую кровушку! Прибор будет кобелем стоять! Каждая баба после палкодрона будет от счастья гопака танцевать!

Каждое утро приходил дядько Степан, сельский коваль, и мне под его каламбур:

"Глуши первачка-дурачка – охмелеешь сразу!" – приходилось пить. Самогоночка горячо ползла по горлу, внутренностям, обжигая их, наполняла мозги тугим, упругим дурманом, делая мысли весело танцующими. Мне казалось, что все вокруг тоже хмельное. Я ощущал сильное сердцебиение, чудилось, что сердце, словно задыхаясь, вот-вот остановится; хотелось выскочить из-за стола, убежать в ржаное, ласкающее колосьями, поле.

Когда жена, обнимая меня в постели, трогая пенис, пьяно шептала: "А ты знаешь, Фаина по-молдавски – "мука"?.. – сквозь хмель у меня пробивалось: "Лежал бы с ней рядом кто другой – она бы говорила и делала то же самое..."

Но наплыв страсти был настолько мощный, что я заставлял ее встать, брал ее за руку и мы, ковыляя, уходили к заветному сараю. Поднимались на горище, где пахло соломой, и я, не целуя ее, чувствуя на плечах ее девически упругие красивые ноги, работал уверенно, с наслаждением... так, как будто мстил ее прежним любовникам.

Фаина сексапильно кряхтела, постанывала, поохивала (это меня чертовски возбуждало), и я, видя в глубине чердака фосфоресцирующие кошачьи глазки, словно подглядывающие за нами, ощущал волшебный-божественный оргазм, вслед за которым спринцевал влагалище спермой.

В городе началась другая жизнь.

Я прихватывал работу и после смены, – старый токарный станок натужно гудел, порой неожиданно останавливаясь. В конце месяца, получая зарплату, я уходил от окошка кассы, и, пересчитав деньги, вздыхал: "Сколько пота и сил ушло – и такие крохи!..А дармоеды разные и аферюги отхватывают огромные куши, всегда живя за счет народа!.."

Придя однажды домой, увидел на жене пыжистое платье и туфли на толстом каблуке.

– Ну как, тебе нравится? – спросила Фаина в предчувствии гнева, стараясь загипнотизировать меня извиняющейся улыбкой и дурашливо-смешными движениями этакой манекенщицы. – Чем я хуже этой задрипанной Витки?!

– А на что жить будем? Что жрать, милая моя, будем? Ах да – из твоего платья мы сделаем клевый салат оливье, а из туфель вкуснейшее жаркое.

– Где сэкономим, где одолжим. Проживем. В крайнем случае, сдадим обручалки в ломбард. Проживем. – Все это было сказано легко, запросто, словно плевок мне в морду.

А это "сдадим в ломбард" звучало так для меня, точно мы навсегда продавали нашу любовь. Я словно ощутил изморозь на лице и теле. Какая-то влившаяся в мозги и душу пустота парализовала меня – я сидел, не зная, что сказать.

– Ну что ты такой несовременный, дебильный!.. – кричала Фаина чужими словами, точно показывая себе, что она права. А я стыдился – ведь могли услышать соседи за стенкой.

И как последний "аргумент" скандала, выкрикнул:

– Пошла ты к е... матери, сучка перелопанная, пере... – и злобно хлопнул дверью.

В ту ночь спали мы, отвернувшись друг от друга. Фаина заснула сразу, чуть посапывая, я же не мог, думал, что вот так – как чужие – живут многие... и по-разному мстят друг другу. Лежал в потемках и чуял, как тоска и страдание, залегающие в глубине души, то поднимаются с дрожью к гортани, то медленно опускаются. В эти скорбно-печальные минуты хотелось к матери – только она могла успокоить, утешить.

Я стал худеть. Однажды, за столом, у меня пошла кровь из горла...

Когда Фаина в белом халате входила в палату, я угрюмел, отворачивался к окну. Она вытаскивала что-то из сумки и, кладя на тумбочку, с усвоенной педантичностью, чуть волнуясь, перечисляла, что принесла. Стесняясь взглядов сопалатников, я терпеливо ждал ее ухода. Эта блондинисто-завитушечная прическа, наведенные контуры глаз, черные секс-чулки делали ее чужой, похожей на тех, кого я недолюбливал, даже презирал.

Прежде ее улыбка с ямочками, походка грациозно-кокетливая, привычка встряхивать густыми волосами очень нравились мне, вызывая чувство умиротворенно-нежное, возвышенное. Тогда я еще мыслил, как поэт, художник. Потом, уже после измены ее, апатично усмехался, нарочито прибежал к физиологическим аксиомам...

Ощущение брезгливости подползало к горлу, когда я представлял сцены, в которых мою жену обнимали, ласкали чужие руки, когда ее целовали в губы. Все чудилось: тот, кого я не знал и никогда не видел, злорадно сплевывает на пол, похотливо ухмыляется, узнав нечто сокровенно-тайное, интимное из нашей семейной жизни.

Он, соперник, вмиг превратил мою жизнь в долгую, изощренную пытку, когда день за днем приходилось смотреть в предательски-лживые гляделки жены. Вот тогда я и начал ходить на кухню, там словно намертво прикипал к "звездному" окну. Только здесь я мог отдыхать измученной душой. До тех пор, пока звезды не заслоняла тень, очертаниями очень похожая на располневшую в последнее время физиономию жены.

...Сегодня я, погрузившись в воспоминания, просидел на кухне до утра. Затем на цыпочках вошел в комнату. Сынишка спал у окна, трогательно раскинув на подушке теплые пухленькие ручки. Глаза малыша под закрытыми веками, шевелясь, ловили сновидения.

Тихо сопел носик-пуговка. Я, замирая сердцем, смотрел на сына, видя в нем себя маленького. Наклонился над кроваткой – так мучительно хотелось поцеловать это чудесное, "не засоренное" пока цивилизацией, существо. Такое оно сейчас ангельское! Но не посмел – побоялся разбудить.

"Только бы сына поднять, вырастить. Ради этого я выдюжу, все выдюжу!..Он, мое дитя, для меня – эликсир жизнестойкости: никогда не унывать, не хандрить!..подумал я, тихо собираясь на работу.

Наступил еще один день борьбы за счастье и благополучие сына!

БЕЗ ПАНИКИ

– Папа, папочка, мне страшно!.. – голос дочки жиганул меня по сердцу.

Я заторопился в спальню.

Настя, в ночной сорочке, курчавоволосая, и в эту ночь плакала. Я взял ее на руки, поцеловал. Она, дрожа, прижалась к моей груди.

– Папочка, я боюсь одиночества!

– Миланчик, солнышко мое, я с тобой!..

– А где мама?

Чуть было не ответил: "Эта стервова отгуляет свое – и вернется!" – но сказал:

– Мать в командировке, на кинофоруме в Каннах.

– А я ее вчера видела возле нашего детсадика. Подбежала, кричу: "Мамочка, слава Богу, ты пришла!" – А она взяла и тут же убежала незаметно.

– Тебе показалось. Есть очень много тетей, похожих на твою мамочку.

– Ты опять говоришь неправду. Никто на мою мамочку не похож. Она самая красивая. Как Софи Лорен! Но только тогда она уехала на машине с каким-то усатым дядей.

– Хорошо, мы найдем ее и этого дядю! А сейчас спи!

– Ладно, папочка, я постараюсь заснуть. Только ты найди маму, а усатого дядю не надо...

Я ее приспал, напевая тут же сочиненную мной колыбельную о козлихе и козле, которые бодаются так, что у других вырастают длинные рога.

Уйдя в свою комнату, все думал о том, куда она, красотка, запропастилась? В эти минуты хотелось прижаться к ней, обнять и красиво, без мордобоя, трахнуть так, чтобы вышибить всю дурь и блажь из ее очаровательной башки.

Утром поехал на работу... В автобусе невольно прижимаюсь к крутопопым бабенкам, и не могу: мой "певец" начинает "солировать" – истосковался, бедняжка, по женским прелестям.

В цеху я, в брезентовых рукавицах, раздвинул горячую пресс-форму – перламутровые пуговицы, горьковато пахнущие, были блестящими, аккуратными, без брачка. Вспомнил: когда доводил матрицу и пуансон до зеркальной чистоты, в воображении всплыла Марина – рельефные бедра, сочная грудь с сосочками-клювиками, темный оазис волос на лобке.

Тут же смерчем ворвался в сознание вопрос: "Где же она, лахудрочка любимая?!"

– Матвей, как дела? – подошла ко мне краснощекая прессовщица.

– Как дела?.. – Был я зол на всех баб. – Легла, да не дала! – брякнул я, стараясь громким голосом замаскировать грусть.

– Плохой ты кавалер, если сразу в постель тащишь!

– Да это я, Верочка, шучу! Я ведь вас, женщин, всех обожаю!

– От шутки, красавчик, можно забеременеть! Ха-ха-ха!..

Когда я пошел вдоль ухающих прессов, Верочка, нежно смотря мне вслед, лаская взглядом, тайно подумала о чем-то своем. Ей, очевидно, нравятся мои карие глаза, втянутые худобой щеки и, конечно же, волнение, которое ощущает она, стоя возле меня.

Она терпеливо будет ждать: ведь через неделю-две я снова приду в цех испытывать новую пресс-форму.

Вечером пришла Зина, школьная подруга Марины. Черные волосы, брови, глаза делали ее похожей на красивую колдунью. Когда Зина улыбалась, глаза ее казались плутоватыми.

Иногда, чудилось мне, глаза снаружи блестели радостью, весельем, а внутри бушевал хмель волшебства.

Зиночка приготовила борщ, жаркое, и мы сели за стол, пристально глядя друг на друга, с ощущением взаимной симпатии.

– За что выпьем? – подняла стопку хлебосольная гостья.

– А за тебя!

– Давай, Матвейчик, за любовь! Есть она все же, что бы ни говорили. – Хотела меня приободрить, приласкать теплыми словами. – Мы ведь с тобой друзья по несчастью.

Мой... А-а, манать я его хотела! Пусть, потаскун, гуляет! И так, за ее величество любовь!

– Bravo! Бис! Поехали!

Мы тяпнули. Потом – еще и еще. Захмелели, добрея от сиюсекундного счастья и взаимного чувства.

– Давай дарболызнем последнюю, рыбочка моя, карась Матвей, – и на том баста!

Дернули еще по стопашке, и Зиночка засобиралась уходить.

– Никудашечки ты не пойдешь! Категорически не пушу!

– А в морду? – и любвеобильно улыбнулась. Глаза по-особому, зазывающе сверкали. – Где Настя?

– У бабули. Пусть недельку-другую побудет у нее. А ты оставайся, не уходи. Обидишь холостяка.

– Ты, что, дурень, развелся?

– Временно, как и ты со своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.